

Царь Отар

Предпремьерное интервью с грузинским акцентом

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

— Отар Вахтангович, у кого возникла идея пригласить вас в Москву?

— Перед Новым годом Олег Павлович позвонил ко мне домой и спросил: «Ты будешь согласен у нас играть Креона?». Он до этого видел наш спектакль в Тбилиси. Я говорю: надо спросить Темура. Хорошо, отвечает, я поговорю с ним. Но дело в том, что они, оказывается, между собой уже все обсудили. Вот такой был мне новогодний подарок. Тридцатого декабря.

— Вы вообще с Табаковым давно знакомы?

— Давно. Они в Тбилиси часто на гастроли бывали... Так вот: почему я согласился. Очень заманчиво мне показалось. Конечно, я боялся, потому что на русском языке никогда на сцене не выступал. Это не мой инструмент. Музыкант, допустим, всю жизнь играет на рояле, а потом ему дадут скрипку: играй... Я рискнул попробовать. Какой-то азарт — смогу я одолеть это препятствие? Устроил себе экзамен.

— «Заманчиво» — по-прежнему работаете в МХАТе?

— Для меня это священное место. Когда мы впервые из русского театра приезжали на гастроли, мы играли на сцене Филиала МХАТа. Улица Москвина. Закончились наши гастроли — мы все опустились на колени и начали целовать подмостки. Потому что мы знали, кто на этой сцене выступал. И здесь кончился застольный период, перешли на сцену, и я вижу, что у меня дрожит рука. Никого нет в зале. Я думаю: что со мной, что я, мальчик?..

У меня правда такое отношение. Это я не для красного словца, как говорится. Если у актера нет к своему делу вот такого отношения, если расхлябанный, как будто у него лишняя суббота, это чувствуется на сцене. И если он не уважает свое дело, то его тоже никто не будет уважать.

— Сколько вы репетировали?

— После того как Олег предложил и я узнал у Темура, что они договорились, я уже над текстом начал для себя работать. И когда меня вызвали в июне на репетицию сюда, текст я знал. Чтобы не чувствовать себя маленьким ребенком, который только-только начинает ходить. Тогда я репетировал дней двадцать примерно, не больше. И сейчас столько же получается.

— И вам этого достаточно?

— Вы знаете, я очень много играл эту роль, и если с текстом у меня не будет препятствий, то мне хватит.

— Московский спектакль будет о том же, о чем и тбилисский?

— Да, мы настолько не меняем. Тем более режиссер тот же. Темур нашел удачную, по-моему, трактовку и моей роли, и пьесы тоже. Был великий спектакль у Туманишвили, но там был сделан акцент на том, что Антигона права, а Креон не прав. А у Темура виноватых нет.

— Вы-то сами как к своему герою относитесь?

— Вот именно так. Сейчас, знаете, я руководитель театра, и с этой точки тоже многое начал понимать. Ноша, ноша, что говорить. Прихо-

дится идти на... Как это говорится?

— На компромиссы?

— Нет... На жертвы. На жертвы приходится идти. Ужасно не хочется, но вынужден делать какие-то шаги. У меня даже лицо изменилось с тех пор, как я стал руководителем. Мне противно в зеркало на себя смотреть.

— Значительно проще ничем не руководить, правда?

— Конечно! Конечно!

— Почему же вы не избежали этой участи?

— Я звал Темура — он отказался. Шесть лет театр жил без руководителя, и я увидел, что дело просто из рук вон. И меня умоляет мой директор: согласись. Я сказал: дай мне четыре месяца, но оформляй меня официально, но пусть эти четыре месяца все будет в театре по-моему. За это время мы выпустили «Лиру», и после «Лиры» я поверил: появилась молодая двадцатитрехлетний режиссер, поставил Шекспира, новая сила пришла, я буду опираться на него. Темур обещает с нами сотрудничать. И если не брать второсортные пьесы, просто не надо их брать, то может что-то получится. Надежда появилась. Я втянулся в это дело, как Креон. У нас много общего, конечно. Его ноша сложнее, но мне от этого не легче.

— Вам тоже приходится идти на жертвы?

— Еще какие!.. Когда я стал худруком, в труппе было сто человек. И ни одного актера моложе тридцати лет. А у нас сцена не такая, как во МХАТе. И если спросить меня, сколько нужно артистов, я скажу: пятьдесят.

Было очень сложно. Был поход на меня всей Грузии. Министерство культуры, Союз театральных деятелей, некоторые актеры, которые, оказывается, сами хотели: а почему он руководит, а не я? — все они объединились. Подписи в районах собирали, люди даже не понимали, за что подписываются. Судились мы, часто ходили, — я лично нет, но мой директор. Но в конце концов Верховный суд постановил, что мы имеем право это сделать — уволить двадцать два человека.

Еще раз повторяюсь: если я найду режиссера, я буду счастлив отказаться. Но они видят: за них все делается, ответственности никакой, а условия — какие только пожелаешь, лучше не может быть. И их устраивает такая ситуация.

— Что в марджановском театре с финансами? Вы ведь бюджетники?

— В этом году дают только зарплату. Постановочные — нет, за свет не платят, отопление зимой — нет.

— Значит, премьеры выпускаются на спонсорские деньги?

— Да, или кто-то должен подарить театру, или надо так ставить и так играть, чтобы зрителей было много.

— Но ведь московские цены на билеты — по пятьдесят баксов — для Тбилиси нереальны?

— Нет, нет, что вы говорите? Пять лари, два с половиной доллара — это самая высокая цена. И то часто приходят люди искусства, люди науки, говорят: нет у нас денег, пустите так. Конечно, пускаем.

— Тем не менее в Грузии существуют меценаты?

— Знаете, в чем дело, — нас же

мало очень. Если поискать, оказывается, что все грузины родственники. Некоторым жалко нас, кто-то любит театр просто. И еще новые формы сложились общения с режиссерами, сами собой. Приходит молодой режиссер, говорит: вот пьеса, хочу ее поставить, дайте мне сцену. Я говорю: это не собственность моя, это принадлежит всей Грузии. Пожалуйста, ставь, но у меня денег нет. Он говорит: деньги есть, только потом с доходов от спектакля вы должны будете мне вернуть, потому что я взял взаймы. Я согласился. И это у нас в практике уже. Только в чем дело: если получается спектакль, мы его включаем в наш репертуар. Если спектакль не получается — или пьеса не такая, или режиссер не оправдал, тогда мы говорим: мы в аренду даем сцену, и на свой страх и риск работай. Но это не наша афиша.

— Решение «наша афиша», «наша афиша» вы принимаете единолично или у вас есть художественный совет?

— Никакого художественного совета у меня нет. О каком художественном совете можно говорить? Ответственность человек должен брать полностью на себя.

— Сколько спектаклей в неделю дает ваш театр?

— Сейчас мы играем так: четверг, пятница, суббота, воскресенье. А последние месяцы в прошлом сезоне даже по средам играли.

— И сколько же премьер за сезон выходит?

— По договору я должен выпустить два или три спектакля. Но мы ухитряемся больше.

— А за границу хоть изредка удается выехать?

— В августе с «Антигоной» ездили в Эдинбург. Мы уже там были в девяносто шестом году с «Лиром». Тогда реклама была такая... А в этот раз предложили десять фунтов суточные — не войдешь ни в кафе, никуда. Синхронный перевод не обеспечили, сказали: нет средств. Поселили семь человек в одну квартиру, все семь — в другую... Афишу напечатать такую — я вплотную подошел и все равно ее не увидел. Дорогу в оба конца мы сами оплатили.

Мы и поехали только потому, что билеты были куплены заранее. Два дня — субботу и воскресенье — играли в почти пустом зале. А рано утром в понедельник, мы спим, звонок в дверь — в почтовый ящик кто-то забросил газетную вырезку с моим большим портретом. Читаем, не все слова понимаем, но «грэйт» повторяется три раза. И в углу — пять звездочек. Высшая оценка спектакля. И пошло-поехало... Девять раз играли, зал полон, все приходит, говорят: экселент, бютифул...

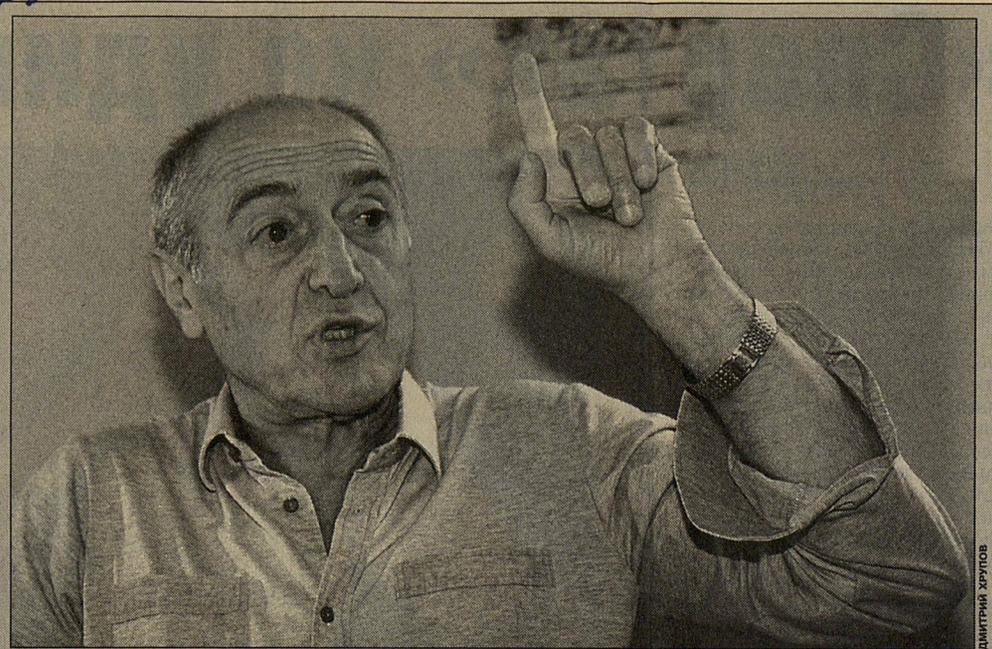
— Лира, если не ошибаюсь, тоже играете вы?

— Я.

— Такое количество властителей особ в репертуаре на характере не отражается?

— Жена моя смешно об этом рассказывает. Он, говорит, столько царей переиграл, что однажды дома я что-то такое ему не очень приятное сказала, а он: «Кому ты это говоришь?!». Минут через десять подожди: «Батону Отар, позвольте к вам обратиться...».

— Но я и без этих ролей мог... Я все же азиат. Мы, грузины, — азиаты.

ДМИТРИЙ ХРУЛОВ

Произнести его фамилию практически невозможно, и все-таки в России она известна. Отар Мегвинету-хуцеси помнят по абуладзевскому «Древу желаний» и сериалу, сделанному еще в советской Грузии, а потому прошедшему по центральным телеканалам, — «Берега». Последние шесть лет один из самых известных и почитаемых грузинских актеров возглавляет тбилисский Театр имени Марджанишвили. Послезавтра, впервые, при стечении премьерной публики Мегвинету-хуцеси ощутит себя частицей МХАТа. В ануевской «Антигоне», поставленной Темуром Чхеидзе, он играет царя Креона. Жесткий правитель,

ведущий борьбу с отчаянной юной женщиной, — роль для батона Отара не новая, год назад уже опробованная в родном Тбилиси под руководством того же Чхеидзе. Единственное новшество — язык. На русском Мегвинету-хуцеси со сцены никогда не вешал. А в жизни говорит, между прочим, неплохо — правда, с сильнейшим акцентом и паузами, уходящими на поиск точного слова. Получается это у него столь обаятельно, что «причесывать» текст не хочется. Вдруг перестанет звучать выразительный глуховатый голос, в котором проскальзывают порой истинно царственные нотки...

Мы другие. Грузин обожает свою семью, но все же хозяин дома он, а не она. Это традиция. Наверное, со временем все переменится, но... У меня пока так.

— Пока вы в Москве, не пытаетесь здесь спонсоров поискать? Дидаспора ваша не бедная...

— Сейчас я так занят, для меня спектакль — это так важно, что у меня не остается времени. А вообще было бы здорово... Я надеюсь, когда пойдет спектакль, они все придут. Ускорять этот процесс не хочу. Если получится у нас работа, это будет лучший период для переговоров.

— Будете сами выбирать, у кого брать деньги, у кого нет...

— Поговорим. Может, найдутся добрые люди.

— Сколько времени вы станете теперь проводить в Москве?

— Мы так договорились: играем двадцать девятого и тридцатого сентября, потом третьего октября. Значит, на это время я останусь. Четвертого лечу в Тбилиси, там два спектакля хотя бы должен сыграть и двенадцатого нужно вернуться, потому что тринадцатого и четырнадцатого опять здесь «Антигона».

— Тяжеловато мотаться туда-сюда.

— Ничего. Вытерплю. Актеру плохо, когда он не играет. Но в принципе мы договорились, что в месяц раз я на неделю буду прилетать и сыграю за эту неделю два или три спектакля.

— Вам нравится, как Марина Зудина репетирует Антигону?

— Эмоционально — да, она очень устраивает. С первых же репетиций. Помню, я начал что-то рассказывать о братьях Антигоны, и в первый же день у нее потекли слезы. И я сразу бояться перестал. Из этого что-то должно получиться. Потом, и пластически она интересна. Вообще она — актриса. А о слабостях я не хотел бы говорить. Есть какие-то стороны, над которыми она особенно работает и на которые обращает внимание Темура.

Я вообще не люблю заранее оценивать. Как бы ни шли репетиции, без зрителя нет спектакля. Прихо-

дит зритель, и абсолютно все меняется — или к лучшему, или к худшему. И так, и так бывает. Поэтому не будем гадать, будем молиться.

— Чем русские актеры отличаются от грузинских?

— Здесь в подготовительный период актеры больше говорят о своей работе. У нас этого меньше гораздо. В Грузии актеры сразу начинают выполнять то, что хочет режиссер. И несогласие какое-то с режиссером, молодые, скажем, не позволяют себе высказывать... Проходят годы, приобретает опыт, уверенность в себе — вот тогда, может быть... А здесь спорят, свою точку зрения высказывают. Истина, наверное, действительно добывается в споре. Вдруг в том, что он говорит, есть зерно? Вдруг актер предложит что-то, о чем ты сам не подумал? Он тоже человек, да?..

Что вы смеетесь?.. Я вспоминаю, как мы выезжали со своими спектаклями на автобусе, по Грузии. Сыграли спектакль, возвращаемся ночью. Милиция останавливает, вызывает шофера: «Что это за люди?». Шофер: «Это люди?! Это актеры!».

— Вы во МХАТе гость. Хорошо вас принимают?

— Лучше нельзя.

— А как вам сегодняшняя Москва?

— Москва, она строится, это видно. Когда столетие «Славянского базара», встречи Станиславского с Немировичем справляли, меня пригласили. И поселили в гостиницу... Как называется? Вот Красная площадь, и за рекой сразу, с левой стороны... Роскошная. Таких не было в Москве. О-о, это здорово! Говорят, итальянцы строили. Странное название какое-то, короткое слово...

— «Балчуг»?

— Да, «Балчуг».

— Какие проблемы Грузии кажутся вам главными? За что у вас лично сердце болит?

— Самая большая боль у нас — то, что нация разделена. Есть те, которые поддерживают первого президента, и есть противники. Это еще не кончилось, мы еще не стали единым народом. Вот это самая наша ахиллесова пята...

— Ахиллесова пята.

— Да. И такая же боль — Абхазия. Это жемчужина Грузии. Без нее Грузия не может. Мы никогда счастливыми не будем, если не объединимся.

Вот все проблемы.

— Неужели все? В Тбилиси пятую зиму по квартирам печки топят и электричество могут вырубить в любой момент...

— Как это может быть главным?! Свобода и единство — мечта народа. Она из поколения в поколение передается.

— Свобода без тепла и света?

— Ну и что?! Мы бы потерпели.

— А если Грузия с Абхазией объединится, электростанции заработают?

— Если мы будем вместе, все эти невзгоды можно преодолеть легче. Против друг друга мы и себе мешаем и другим мешаем. Если бы, когда я начал свои реформы так называемые в театре, мне бы никто не мешал, я бы жил припеваючи. Я бы гораздо больше пользы принес. Не было бы дня, чтобы нас не терзали прокуратура, милиция, суд — районный, потом городской, потом Верховный... Не было дня просто подумать о своем деле.

— Как вы считаете, Россия нужна Грузии?

— А что, Грузия не нужна России? А раз Грузия нужна, и это не скрывается никем, то такая огромная страна не нужна Грузии?!

— Но зачем?

— Чтобы не быть в своей скорлупе. Мы соседи. Все наши лучшие люди когда-то приезжали сюда за высшим образованием... К счастью, в нашей среде, в театральной, ничего не изменилось. Мы смогли сохранить самые близкие и добрые отношения. Никакие визовые режимы на нас не отразились.

— Кого вы оставили в Тбилиси?

— Жену. Дочку. Внука. Два года ему.

Вот странно... Я детей вообще люблю и к дочери своей всегда нежно относился, но этот... Что он со мной делает... И ведь понимает, какую власть надо мной взял...